

18+

Г Л А З А

ВЛАДИМИР ТИХОНОВ

Владимир Тихонов

Глаза

<https://litres.ru/74291643>

ISBN 9785007080927

Аннотация

В мире, где лица скрыты за масками, а за каждым шагом следит система, инспектор Марк Вейнер расследует серию загадочных убийств. Все жертвы связаны с тайным клубом, которого официально никогда не существовало. Чем ближе он к разгадке, тем страшнее становится правда: настоящий враг скрывается не за маской убийцы, а внутри самой системы, которой доверяют миллионы.

Содержание

ГЛАЗА	5
ТЕЛО — ИСТОЧНИК НЕРАВЕНСТВА	14
СМОТРИ	16
КРАСОТА РАЗДЕЛЯЕТ. ДОСТОИНСТВО	23
ОБЪЕДИНЯЕТ	
— И?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глаза

Владимир Тихонов

© Владимир Тихонов, 2026

ISBN 978-5-0070-8092-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАЗА

Мертвец лежал лицом вверх.

Это уже само по себе было нарушением.

По закону тело следовало немедленно накрыть, даже если человек больше не мог испытывать стыд, страх или унижение. Смерть не освобождала гражданина от обязанности соблюдать нормы общественной нравственности. Напротив, именно после смерти государство особенно тщательно следило за его достоинством.

Но тот, кто убил мужчину, оставил его открытым.

Не всего. Только лицо.

Инспектор Марк Вейнер остановился в дверях и несколько секунд смотрел на покойника. За двадцать лет службы он видел тела, распухшие от воды, обгоревшие в пожарах, раздавленные транспортом и разрезанные так аккуратно, словно убийца изучал анатомию по государственному учебнику. Но открытое человеческое лицо все еще действовало на него сильнее крови.

Кожа казалась слишком бледной.

Губы — непристойно голыми.

На щеках виднелась щетина.

Марк поймал себя на том, что рассматривает каждую деталь, и почувствовал раздражение. Не к убийце. К самому себе.

Он отвел взгляд.

— Кто обнаружил?

Молодой патрульный возле стены поднял руку, будто находился на занятии.

— Сотрудник технической службы. Пришел проверить вентиляцию.

— Где он?

— В соседнем помещении. Медики дали успокоительное.

— Видел лицо?

Патрульный замялся.

Его звали Эллиас. Марк встречал его раньше, но не мог вспомнить фамилию. В последние годы молодых становилось слишком много. Они выглядели одинаково: черная форменная ткань, перчатки, высокие воротники, плотные капюшоны. Только глаза отличались.

У Эллиаса они были серые и сейчас заметно дрожали.

— Да, инспектор.

— Полностью?

— Да.

Марк тяжело вздохнул.

— Оформите контакт с запрещенным изображением. Вынужденный, при исполнении. Пусть подпишет до конца смены.

— Уже подготовили.

— Хорошо.

Он вошел в комнату.

Помещение когда-то служило кабинетом управляющего. Теперь здесь хранили старую мебель и коробки с документами, которые никто не решался уничтожить без разрешения ведомства. Узкое окно выходило на серую стену соседнего здания. Свет почти не проникал внутрь.

Мертвец лежал между письменным столом и шкафом.

На нем была обычная городская одежда: темный внешний покров, застегнутый от щиколоток до подбородка, тонкие перчатки, закрытая обувь. Капюшон был сорван и аккуратно сложен рядом с головой.

Не брошен.

Именно сложен.

Марк присел на корточки, не приближаясь к телу.

— Причина смерти?

Судебный медик стояла у окна. На прозрачной пластине ее защитных очков бежали строки предварительного анализа.

— Вероятно, удушение. Следов борьбы почти нет. Точнее скажу после вскрытия.

— Время?

— Между полуночью и двумя часами.

— Почему лицо открыто?

— Это вопрос не ко мне.

Марк посмотрел на нее.

Доктор Лея Сорман работала в отделе уже одиннадцать лет и обладала редким талантом раздражать людей, не повы-

шая голоса. Видна была только верхняя часть ее лица: темные глаза, переносица, тонкая полоска кожи между очками и маской. Марк никогда не видел ее щек или губ и не хотел видеть.

Во всяком случае, так он говорил себе.

— Я спрашиваю, есть ли на лице повреждения.

— Нет.

— Следы химикатов?

— Предварительно нет.

— Кожа снята? Метки? Надписи?

— Ничего.

— Значит, убийца открыл лицо просто так?

Лея перевела взгляд на труп.

— Люди редко делают что-то просто так. Особенно если для этого приходится нарушать семь статей Кодекса этического поведения.

Марк осмотрел комнату.

Пыль на шкафах. Пыль на подоконнике. Пыль под столом. Но возле тела пол был чистым, словно его недавно протерли.

— Его убили здесь?

— Скорее всего.

— Следы обуви?

— Эксперты работают.

— Камеры?

Эллиас, оставшийся у двери, ответил:

— В коридоре камера отключилась в двадцать три сорок

восемь. Включилась в два снадцать.

— Неисправность?

— Система показывает плановую перезагрузку.

— Ночью?

— В журнале стоит служебное подтверждение.

— Чье?

— Пока выясняют.

Марк поднялся. Колени отозвались тупой болью. Двадцать лет назад он мог просидеть возле тела час, не замечая неудобства. Теперь организм напоминал о возрасте при каждом резком движении.

— Личность установили?

— Август Рейн, — сказал Эллиас. — Пятьдесят два года. Специалист по налоговому сопровождению. Женат. Двое взрослых детей. Нарушений нет. Приводов нет. В базе благонадежности — зеленая категория.

— Что он делал здесь?

— Пока неизвестно.

— Здание кому принадлежит?

— Муниципальному архиву. Часть помещений закрыта на ремонт.

Марк снова посмотрел на покойника.

Август Рейн.

Обычный человек с обычной работой. Такие редко оказывались в заброшенных кабинетах после полуночи. Еще реже их душили, а затем открывали лицо.

На лбу мужчины блестела тонкая полоска пота, хотя тело давно остыло.

Марк наклонился чуть ближе.

— Здесь что-то есть.

Лея подошла.

Над правой бровью покойника виднелась едва заметная черная точка. Не родинка. Не грязь.

Медик провела над ней сканером.

— Чернила.

— Знак?

— Возможно.

Она взяла стерильный тампон и осторожно провела по коже. Черная точка размазалась, превратившись в короткую линию.

— Нанесено недавно, — сказала Лея.

— После смерти?

— Скорее всего.

Марк почувствовал знакомое движение внутри. Не страх и не азарт. Что-то более холодное. Так начиналось каждое настоящее расследование: одна деталь выпадала из общей картины, и мир уже нельзя было собрать прежним.

— Сфотографируйте.

Лея повернула к нему голову.

— Лицо целиком?

— Только участок кожи.

— Уже лучше.

Марк ничего не ответил.

Из коридора донеслись быстрые шаги. В кабинет вошла женщина в форме отдела внутреннего контроля. По знакам на воротнике Марк определил старшего комиссара.

Она остановилась, увидев лицо трупа, и почти сразу отвернулась.

— Почему до сих пор не накрыто?

— Фиксация места преступления, — сказал Марк.

— Фиксация завершена?

— Нет.

— Тогда ускорьтесь.

— Мы не будем ускоряться.

Женщина посмотрела на него. Глаза у нее были светло-карие, почти желтые.

— Инспектор Вейнер?

— Да.

— Старший комиссар Таль. Управление общественной этики.

— Не знал, что управление выезжает на убийства.

— Мы выезжаем на демонстративные нарушения.

Она снова бросила короткий взгляд на труп, стараясь не задерживаться на лице.

— Кто еще его видел?

— Технический сотрудник, двое патрульных, медик и я.

— Эксперты?

— Работают в защитных визорах.

— Хорошо. Все материалы с изображением лица будут переданы нам после завершения следственных действий.

— Нет.

В комнате стало тихо.

Эллиас у двери перестал дышать. Даже Лея оторвалась от прибора.

Комиссар Таль медленно повернулась к Марку.

— Что вы сказали?

— Материалы останутся в деле. Это убийство.

— Это еще и тяжкое этическое преступление.

— Которое является частью убийства.

— Инспектор, я не собираюсь спорить о ведомственных полномочиях возле открытого тела.

— Тогда не спорьте.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза.

Марк давно заметил, что в мире, где люди скрывали лица, взгляд стал единственным допустимым способом проявлять агрессию. Некоторые научились делать это мастерски.

Комиссар Таль была одной из них.

— Я сообщу вашему начальству, — сказала она.

— Передавайте привет.

Она резко развернулась и вышла.

Эллиас опустил глаза.

— Инспектор...

— Что?

— Ничего.

— Тогда займитесь камерами.

Патрульный исчез в коридоре с заметным облегчением.

Лея тихо произнесла:

— Когда-нибудь вы встретите человека, которого не сможете задавить стажем.

— Я никого не давлю.

— Разумеется.

Марк подошел к окну. За стеклом висело пасмурное утро. Между зданиями медленно двигался поток людей. Черные, серые и темно-синие фигуры шли на работу, не касаясь друг друга. В этом районе наружная ткань ярких цветов запрещалась: рядом находились государственные учреждения.

На противоположной стене светился экран общественного оповещения.

ТЕЛО — ИСТОЧНИК НЕРАВЕНСТВА

Надпись исчезла.

Появилась следующая:

**СКРЫВАЯ РАЗЛИЧИЯ, МЫ СОХРАНЯЕМ ДО-
СТОИНСТВО.**

Марк отвернулся.

— У него есть пропуск в здание? — спросил он.

Лея пожала плечами.

— Я врач.

— Это был риторический вопрос.

— Тогда постарайтесь задавать их мысленно.

Марк подошел к столу. На поверхности лежала папка с архивными документами. Слой пыли на ней был нарушен. Кто-то недавно касался крышки.

Он надел дополнительные перчатки и открыл папку.

Внутри находились старые планы здания. Несколько страниц отсутствовали.

— Лея.

Она подошла ближе.

— Что?

— Посмотри на номера.

Листы шли последовательно: сорок первый, сорок второй,

затем сорок седьмой.

— Вырваны четыре страницы, — сказала она.

— Недавно?

— Края чистые. Но это ничего не доказывает.

Под папкой Марк заметил маленький прямоугольник бумаги.

Бумага почти вышла из употребления. Официальные учреждения применяли ее только для документов особой категории, а частным лицам разрешалось хранить не более пятидесяти листов без регистрации.

На прямоугольнике было написано одно слово:

СМОТРИ

Марк не сразу понял, что именно его беспокоит.

Не само слово.

Почерк.

Буквы были выведены от руки, черными чернилами. Ровно, почти красиво. Последняя линия уходила вверх.

Он уже видел такой наклон.

Давно.

Настолько давно, что воспоминание пришло не образом, а ощущением: теплый свет на кухне, шелест бумаги, пальцы женщины, удерживающие ручку.

Марк моргнул.

Воспоминание исчезло.

— Что там? — спросила Лея.

Он показал записку.

Она прочитала.

— Очень содержательно.

Марк перевернул бумагу.

На обратной стороне ничего не было.

— Пакет для улики.

Лея протянула прозрачный контейнер.

Марк опустил туда записку и защелкнул крышку.

— Вы побледнели, — заметила она.

— Здесь холодно.

— Здесь двадцать два градуса.

— Тогда освещение.

Лея несколько секунд смотрела на него, но спрашивать не стала.

Из коридора снова появился Эллиас.

— Инспектор, нашли подтверждение перезагрузки камеры.

— Чье?

— Августа Рейна.

Марк посмотрел на труп.

— Он сам отключил камеру?

— Его идентификатор использовали в двадцать три сорок семь. Через минуту система ушла на перезагрузку.

— Откуда поступила команда?

— С терминала в этом кабинете.

Марк перевел взгляд на старый стол.

Терминал выглядел мертвым. Экран был темным, кабель питания лежал на полу.

— Он отключен, — сказал Марк.

— Да.

— Как давно?

Эллиас сверился с планшетом.

— По данным технической службы, кабинет обесточен шесть лет.

— Как это вообще возможно?

Лея тихо выдохнула.

Марк подошел к телу и снова посмотрел на открытое лицо Августа Рейна.

Теперь оно казалось не просто нарушением.
Посланием.

Убийца пришел в закрытое здание, воспользовался идентификатором жертвы, отдал команду через терминал, который не работал шесть лет, задушил человека, аккуратно сложил его капюшон, открыл лицо и оставил записку.

Смотри.

Марк почувствовал, как под одеждой выступил холодный пот.

Он смотрел.

Но пока не понимал, что именно должен увидеть.

— Накройте его, — сказал он.

Лея удивленно подняла глаза.

— Фиксация еще не завершена.

— Лицо уже сняли?

— Да.

— Тогда накройте.

Она достала из комплекта плотную черную ткань и осторожно опустила ее на голову мертвеца.

Сначала исчезли волосы.

Потом лоб.

Закрылись глаза.

Последними пропали губы.

Комната сразу стала обычной.

Марк знал, что это иллюзия.

Комнаты, где лежали убитые, никогда не становились обычными.

Он повернулся к Эллиасу.

— Найдите все, что связано с Августом Рейном. Работу, семью, перемещения, покупки, медицинские обращения, штрафы, закрытые запросы. Особенно за последние три месяца.

— Да, инспектор.

— И поднимите планы здания. Все версии, включая удаленные.

— Это может занять...

— Не произносите эту фразу.

— Понял.

— Еще одно. Кто зарегистрировал это помещение как обесточенное шесть лет назад?

Эллиас начал печатать.

Марк снова посмотрел на пакет с запиской.

Почерк не мог принадлежать ей.

Это было невозможно.

Восемь лет назад он стоял в зале прощания перед закрытым черным контейнером. Ему объяснили, что останки слишком сильно повреждены и процедура визуального подтверждения запрещена. Он поставил подпись. Получил свидетельство. Вернулся в пустую квартиру.

Он не видел ее тела.

Но это ничего не значило.

В современном мире почти никто не видел тел умерших.

Марк убрал пакет в контейнер для улик.

— Инспектор? — позвал Эллиас.

— Что еще?

— В биографии Рейна есть странность.

— Какая?

— Восемнадцать лет он работал в одной налоговой фирме. Потом внезапно уволился. Три года его доходы нигде не зарегистрированы. После этого он вернулся в профессию уже в другой компании.

— Какие годы?

Эллиас назвал даты.

Марк медленно поднял голову.

Август Рейн исчез из государственных реестров на три года. После этого он неожиданно вернулся к обычной жизни и прожил еще девять лет, пока не был убит.

Три года.

Три года Август Рейн словно не существовал.

Ни работы.

Ни налогов.

Ни официальной жизни.

А потом все просто... продолжилось.

Будто этих трех лет никогда не было.

Дождь начинается еще до того, как Марк выходит из здания.

Крупные капли разбиваются о темную ткань плаща и почти сразу исчезают. Вода не задерживается на специальном покрытии — министерство здравоохранения давно признало мокрую одежду негигиеничной.

Перед входом уже собираются журналисты.

Не обычные репортеры.

Этические.

Они никогда не спрашивают, кто погиб. Их интересует другое.

Нарушены ли нормы.

Было ли открыто лицо.

Кто видел тело.

Не распространились ли изображения.

Марк проходит мимо молча.

— Инспектор Вейнер!

Он не оборачивается.

— Правда ли, что погибший был найден с открытым лицом?

Марк продолжает идти.

— Подтверждаете нарушение шестнадцатой статьи Кодекса достоинства?

Он садится в служебный автомобиль.

Дверь закрывается.

Голоса остаются снаружи.

На панели загорается сообщение.

Новое дело зарегистрировано. Приоритет — красный. Контроль общественной этики обязателен.

Марк недовольно усмехается.

Последняя строка раздражает сильнее остальных.

Раньше расследования контролировала прокуратура.

Теперь — управление общественной этики.

Каждый год полномочий у них становится больше.

Он запускает двигатель.

Через несколько секунд автомобиль плавно выезжает на проспект.

Город просыпается.

Сотни одинаковых фигур движутся по тротуарам. Мужчины, женщины, подростки. Отличить их почти невозможно. Темные ткани, закрытые руки, закрытые шеи, плотные капюшоны.

Только глаза.

Тысячи глаз.

Марк замечает девочку лет десяти. Она держит мать за руку и с любопытством рассматривает патрульную машину.

Рядом вспыхивает огромный рекламный экран.

КРАСОТА РАЗДЕЛЯЕТ. ДОСТОИНСТВО ОБЪЕДИНЯЕТ

Изображение сменяется другим.

На экране появляются только глаза пожилой женщины.

Подпись:

Мы любим человека. Не его внешность.

Марк переключает взгляд обратно на дорогу.

Он давно перестает замечать подобную рекламу.

Или убеждает себя, что перестает.

Архив налогового управления занимает сорок третий этаж административной башни.

Здесь всегда тихо.

Настолько тихо, что слышно, как сотрудники перелистывают бумажные документы.

Настоящую бумагу.

Она стоит дорого.

Поэтому почти каждый лист учитывается государством.

Навстречу выходит архивист.

— Инспектор Вейнер?

— Да.

— Меня предупредили.

— Мне нужны документы Августа Рейна.

Архивист молча прикладывает карту доступа.

Металлическая дверь открывается.

— Вы давно здесь работаете? — спрашивает Марк.

— Двадцать семь лет.

— Помните Рейна?

— Конечно.

— Каким он был?

Архивист ненадолго задумывается.

— Тихим.

— Это все?

— В нашем мире это уже характеристика.

Марк не спорит.

Они проходят между высокими шкафами.

Воздух пахнет пластиком и старой бумагой.

Архивист достает тонкую папку.

Слишком тонкую.

— Здесь все?

— Все, что осталось.

— Осталось?

— Несколько лет назад часть документов изъяли.

— Кто?

— Не знаю.

— Есть отметка?

Архивист переворачивает последнюю страницу.

Марк замечает красный штамп.

Материалы переданы. Основание засекречено.

Без подписи.

Без ведомства.

Без даты.

— Такое бывает?

— Очень редко.

— Насколько редко?

— За двадцать семь лет я видел подобное трижды.

Марк закрывает папку.

— По каким делам?

Архивист качает головой.

— Даже если бы помнил, не смог бы сказать.

— Почему?

— Через неделю после каждого такого изъятия меня приглашали подписать дополнительное соглашение о неразглашении.

Марк молчит.

Ему не нравится направление расследования.

Слишком рано появляются закрытые документы.

Обычно до них добираешься ближе к концу.

Телефон завибрировал.

Эллиас.

— Инспектор.

— Слушаю.

— Нашли кое-что странное.

— Говори.

— Мы проверили банковские операции Рейна.

— И?

— За последние десять лет он практически не пользовался наличными.

— Это нормально.

— Да. Но раз в месяц снимал одну и ту же сумму.

— Какую?

— Пять тысяч.

Марк останавливается возле окна.

— Каждый месяц?

— Да.

— День один и тот же?

— Почти.

— Куда уходили деньги?

— Не знаем.

— Никаких покупок?

— Нет.

— Камеры банкоматов?

— Уже удалены.

Марк посмотрел вниз.

Далеко под башней течет человеческая река.

Одинаковая.

Спокойная.

Безликая.

— Еще что-нибудь?

Эллиас молчит несколько секунд.

— Есть одна странность...

— Какая?

— Мы нашли отпечаток пальца на записке.

— Отлично.

— Он принадлежит погибшему.

— Значит, он держал ее.

— Нет...

— Что значит «нет»?

— Он касается бумаги уже после высыхания чернил.

Марк медленно выдохнул.

— Ты уверен?

— Эксперты говорят — почти наверняка.

— То есть убийца пишет записку...

— Потом дает ее Рейну в руки.

— Потом забирает обратно...

— И кладет под папку.

Марк закрыл глаза.

Это бессмысленно.

Именно поэтому кажется важным.

У хорошего убийцы не бывает случайных действий.

Каждый жест что-то означает.

Проблема лишь в том, что пока этот смысл понимает только один человек.

Тот, кто продолжает убивать.

Дом Августа Рейна находился на тихой улице, где все здания похожи друг на друга настолько, что кажется, будто архитектор однажды нарисовал один дом и просто скопировал его сотню раз.

Черные фасады.

Узкие окна.

Ни одного балкона.

Слишком открыто.

Возле подъезда уже стоит патруль.

Эллиас выходит навстречу.

— Семья дома.

— Кто?

— Жена и сын. Дочь прилетит вечером.

— Они знают?

Эллиас молча кивает.

— Кто сообщил?

— Отдел психологической поддержки.

Марк усмехается.

— Значит, через час здесь будут журналисты.

Они входят в подъезд.

Даже здесь камеры.

На каждом этаже.

На лестнице.

У лифта.

Под потолком.

Государство не доверяет людям.

Люди давно привыкли.

Жена Рейна сидит в гостиной.

Руки лежат на коленях.

Она не плачет.

Только смотрит в одну точку.

Рядом молодой мужчина лет двадцати пяти.

Наверное, сын.

Он поднимается первым.

— Вы нашли того, кто это сделал?

— Пока нет.

— Найдете?

— Для этого мы здесь.

Марк садится напротив.

В квартире удивительно тепло.

На стенах нет ни одной фотографии.

Закон запрещает хранить изображения человеческих лиц без специального разрешения.

Вместо них — пейзажи.

Деревья.

Горы.

Море.

Будто люди постепенно стирают память друг о друге.

— Ваш муж в последнее время вел себя необычно?

Женщина отвечает не сразу.

— Нет.

— Может быть, нервничал?

— Нет.

— Получал угрозы?

— Нет.

— Часто уходил по ночам?

Она отрицательно качает головой.

Слишком быстро.

Марк замечает это.

— Вы уверены?

Пауза.

— Иногда...

Сын резко поворачивается к матери.

— Мама.

Она опускает глаза.

— Иногда он уходил.

— Куда?

— Не говорил.

— Как часто?

— Раз в месяц.

Марк и Эллиас переглядываются.

Пять тысяч.

Раз в месяц.

Теперь и ночные исчезновения.

— Когда это началось?

— Очень давно.

— Насколько?

— Наверное... лет девять назад.

— После чего?

Она молчит.

Сын начинает нервничать.

— Мама, не надо...

— После одного звонка.

Марк наклоняется вперед.

— Какого звонка?

— Он никогда не рассказывал.

— Но после этого изменился?

— Да.

— Каким образом?

— Стал бояться.

— Чего?

Она качает головой.

— Не знаю.

— Он говорил об этом?

— Нет.

— Показывал?

Женщина неожиданно отвечает сразу.

— Каждое первое число месяца он не спал.

Марк записывает.

— Почему именно первое?

— Не знаю.

— Что происходило?

— Просто сидел.

— Где?

— На кухне.

— До утра.

— И смотрел в окно.

— Что-нибудь говорил?

Она закрывает глаза.

— Один раз.

— Что?

— Если однажды придут за мной... не открывай дверь.

В комнате становится тихо.

Даже Эллиас перестает писать.

— Кто должен был прийти?

— Он не сказал.

Возвращаясь к машине, Марк долго молчит.

Эллиас первым нарушает тишину.

— Думаете, он кого-то боялся?

— Нет.

— Почему?

— Потому что девять лет жил обычной жизнью.

— Тогда чего он ждал?

Марк смотрит на поток машин.

— Не «чего».

— А кого.

В управлении их уже ждала Лея.

Она поставила на стол тонкую папку.

— Вскрытие закончено.

— Быстро.

— Не люблю затягивать.

Марк открывает документы.

— Что нашли?

— Причина смерти подтверждается.

— Удушение?

— Да.

— Еще?

— Очень хорошая физическая подготовка убийцы.

— Откуда вывод?

— Шея сломана голыми руками.

Эллиас удивленно поднимает голову.

— Голыми?

— Да.

— Это вообще возможно?

Лея спокойно кивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.